

Елена Львовна Рудницкая

Из наследия утопического социалиста
Н. В. Соколова

После появления в печати в 1931 г. первой работы о Н. В. Соколове¹ — публицисте, соратнике «Русского слова», участнике общественной борьбы 1860-х годов — его имя на протяжении почти четырех десятилетий оказалось вне поля зрения исследователей. Положение резко изменилось в последние годы, когда вышли в свет три посвященные ему работы². Этот факт отразил прежде всего расширение проблематики исследований в области истории русского общественного движения, а также усилившееся внимание к анализу сложного процесса развития социалистической мысли в России.

Обосновывая необходимость обращения к изучению жизни и творчества Н. В. Соколова, Б. П. Козьмин подчеркивал, что сочинения Соколова, развиваемые в них взгляды особенно интересны с точки зрения «влияния западного социализма на формирование идеологии русской революционной интеллигенции 60-х и 70-х годов», что они «дают богатейший материал для освещения этого вопроса»³.

Между тем именно в трактовке ряда принципиальных моментов мировоззрения Соколова, связанных прежде всего с его отношением к идеям Прудона, авторы последних вышедших работ во многом расходятся⁴.

Отмечая, что в историю русской литературы и общественной мысли Соколов входит исключительно своими произведениями 1862—1866 гг., и анализируя весь комплекс идей, содержащихся в них, Б. П. Козьмин приходит к выводу, что в своей критике

¹ А. Ефимов. Публицист 60-х годов Н. В. Соколов.— «Каторга и ссылка», 1931, № 11—12.

² Б. П. Козьмин. Н. В. Соколов. Его жизнь и литературная деятельность.— В кн.: «Литература и история». М., 1969 (работа над текстом статьи была завершена Б. П. Козьминым в 1935 г.); Ф. Кузнецов. Н. В. Соколов.— В кн.: Ф. Кузнецов. Публицисты 1860-х годов. М., 1969; В. Р. Лейкина-Свирицкая. Утопический социалист 60-х годов Н. В. Соколов.— В кн.: «Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг.», т. V. М., 1970.

³ Б. П. Козьмин. Указ. соч., стр. 376.

⁴ Мы не касаемся в этой связи статьи А. Ефимова, поскольку он не предполагал такой важнейшей для понимания взглядов Соколова работой, как «Die soziale Revolution». См. Б. П. Козьмин. Указ. соч., стр. 374.

буржуазных порядков Западной Европы, в своем отношении к государству, к коммунизму русский публицист шел за Прудоном. Противоречия в высказываниях Соколова о коммунизме Козьмин считает не только результатом непоследовательности его мысли, «но и непоследовательности того класса, выразителем интересов и нужд которого он выступает»⁵. Характеризуя Соколова как выразителя точки зрения мелкого производителя, Б. П. Козьмин полностью сближает его с Прудоном в вопросе об отношении к частной собственности и социальному идеалу, который олицетворялся для него в самостоятельном — индивидуальном или коллективном (в форме ассоциации) производителе⁶. Что касается отношения Соколова к революции, то оно, по мнению Козьмина, не однозначно. Выявляя причины различных точек зрения на революцию, имеющих в разных произведениях Соколова и даже в пределах одного произведения, Козьмин склоняется к мысли, что «отношение автора их к революции далеко от полного сочувствия и оправдания ее. Он чувствует ее неизбежность и закономерность, но не хочет в то же время отказаться окончательно от надежды на возможность мирного исхода»⁷. Политические взгляды Соколова, по мысли Козьмина, отражали в конечном счете «определенный этап развития русской мелкобуржуазной интеллигенции», этап, связанный с эпохой политической реакции и застоя, наступивший после того, как надежды на крестьянскую революцию не оправдались.

Иную трактовку социальной сущности идей, которые Соколов развивал в статьях, печатавшихся в «Русском слове» начиная с 1862 г. и в книге «Социальная революция», дает Ф. Кузнецов⁸. Отмечая бесспорное влияние Прудона, сказавшееся, в частности, «и в прокламировании индифферентизма в политике, что было не характерно для шестидесятых годов», Кузнецов полагает, что социальным фундаментом убеждений Соколова была крестьянская революция, а главным истоком — идеология русской крестьянской демократии⁹. Место Соколова в истории русской общественной мысли, пишет Кузнецов, определяется тем, что он «одним из первых слил идеи прудонизма с идеей крестьянской революционности». Считая ошибкой сведение мировоззрения Соколова к прудонизму, Кузнецов усматривает в то же время уникальный характер книги «Социальная революция» в том, что в ней «раскрывается диалектика смыкания идей крестьянской революционности с прудонистской идеей анархии». Идя вслед за Прудоном в полном отрицании государственного начала, Соколов

⁵ Б. П. Козьмин. Указ. соч., стр. 431.

⁶ Там же, стр. 435.

⁷ Там же, стр. 441.

⁸ Ф. Кузнецов. Указ. соч., стр. 276.

⁹ При работе над очерком о Соколове Ф. Кузнецов имел возможность ознакомиться с машинописной рукописью статьи Б. П. Козьмина, о которой мы говорили выше (Ф. Кузнецов. Указ. соч., стр. 325).

вступал в полемику с «государственным» социализмом и коммунизмом в принципе¹⁰.

По-своему решает вопрос о характере социально-политических воззрений Соколова В. Р. Лейкина-Свирская¹¹. Исследовательница также приходит к выводу о существовании идей анархизма в мировоззрении Соколова, «предвосхищающих анархическую критику государственной власти Бакуниным»¹². Однако, как подчеркивает автор, вопреки утверждению самого Соколова, считавшего себя прудонистом, притом «одним из немногих прудонистов Европы, понявших своего учителя», его анархизм принципиально отличался от анархизма Прудона. В нем не было, пишет В. Р. Лейкина-Свирская, «мотивов борьбы за неприкосновенную личную свободу, столь характерных для западноевропейского анархизма. В нем нет мотивов аполитизма, отстраняющегося от изжитых, бесплодных форм парламентской политической борьбы, игнорирующего власть и предпочитающего другие пути действия»¹³.

Это своеобразие анархистских идей Соколова, их отличие от анархизма Прудона автор объясняет тем, что Соколову «были чужды те черты, которые были свойственны Прудону как идеологу мелкого буржуа», что анархизм Соколова был тесно переплетен с революционными политическими стремлениями, с признанием организующей роли государства, которое может стать воплощением народной воли и «вести коммунизм»¹⁴.

Очевидные противоречия в отношении Соколова к государству и коммунизму объясняются, по мнению Лейкиной-Свирской, тем, что теоретическое отрицание Соколовым государственного насилия было связано с отрицанием власти государства эксплуататоров, а не самого принципа государства.

Как видим, в оценке принципиальных моментов мировоззрения Соколова, социальных истоков его идей, их места в истории русской общественной мысли (и социалистической в частности), их соотношения с кругом идей Прудона исследователи высказывают подчас прямо противоположные суждения. Между тем все три рассмотренные нами работы основаны на одних и тех же выявленных к настоящему времени источниках. Очевидно, что одна из причин серьезных расхождений исследователей заключается в самом характере литературного наследства Соколова, в его содержании. Поэтому дополнительное включение в научный оборот текстов, принадлежащих перу Соколова, представляется одним из условий уточнения оценок его мировоззрения.

¹⁰ Ф. Кузнецов. Указ. соч., стр. 276.

¹¹ В. Р. Лейкина-Свирская завершила свою работу над статьей о Соколове до выхода в свет названных выше работ Б. П. Козьмина и Ф. Кузнецова. Поэтому они не могли быть учтены ею.

¹² В. Р. Лейкина-Свирская. Указ. соч., стр. 145.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, стр. 146.

Круг литературного наследства Соколова для периода 1862—1866 гг., когда он выступал в русле русского общественного движения, очерчивается достаточно четко. Это прежде всего статьи в «Русском слове», где Соколов сотрудничал на протяжении 1862—1863 и 1865 гг., написанная им в 1864 г. за границей брошюра «Die soziale Revolution» (издана в 1868 г. на немецком языке в Берне), вышедший в начале 1866 г. сборник статей «Экономические вопросы и журнальное дело», куда вошли несколько переработанных статей из «Русского слова», и, наконец, книга «Отщепенцы», конфискованная цензурой в апреле 1866 г.

Исследователям известна еще одна область литературной деятельности Соколова — его выступления в качестве переводчика; указывается, в частности, что Соколов участвовал в переводе двух книг Прудона: «De l'art» и «De la capacité politique des classes ouvrières»¹⁵.

Об истории перевода этих двух книг Прудона Н. В. Соколов говорил в показаниях, данных им 26 мая 1866 г. в следственной комиссии под председательством Н. М. Муравьева. Соколова арестовали по делу о покушении Каракозова, так как он был знаком с Н. Д. Ножиным. «В прошлом году, — показывал Соколов, — в октябре месяце, несколько лиц, журналистов и переводчиков — гг. Зайцев, Ножин, Курочкин и я согласились издавать переводы некоторых иностранных сочинений, при посредничестве Г. Головачева, имевшего собственную типографию. И вот для этой цели избрана была вновь вышедшая тогда книга Прудона «De l'art», переводить которую взялись означенные лица, в том числе и я. Книга эта была переведена, напечатана и с дозволения цензуры пущена в продажу. Сверх того я согласился участвовать в переводе другого посмертного, вновь вышедшего сочинения Прудона «О французской демократии», и перевод книги, начавшийся в январе этого года, не кончен до сих [пор]...»¹⁶.

Прокомментируем коротко содержащиеся в показаниях Соколова данные. С критиком журнала Благосветлова «Русское слово» Варфоломеем Зайцевым, ближайшим единомышленником Писарева, Соколов особенно близко сошелся во время своего сотрудничества в этом журнале после возвращения из-за границы в июле 1865 г. В конфликте Благосветлова с Соколовым, Писаревым и Зайцевым последний сыграл главную роль. В результате ссоры Зайцев и Соколов ушли из журнала в ноябре 1865 г.¹⁷ Вскоре же по приезде в Петербург — летом 1865 г. — произошло знакомство Соколова с Н. С. Курочкиным и Н. Д. Ножиным — друзьями Зайцева, активными участниками общественного движения 60-х годов и революционной конспиративной деятельности

¹⁵ Б. П. Козьмин. Указ. соч., стр. 390.

¹⁶ ЦГАОР, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 261, лл. 25—25 об.

¹⁷ См. об этом подробно: Б. П. Козьмин. Указ. соч., стр. 387—390.

первой «Земли и Воли»¹⁸. Нам представляется, что возникновение замысла об издании переводных книг, о котором говорит в своем показании Соколов, связано с организацией в октябре 1865 г в Петербурге так называемой «Издательской артели», служившей по заключению Э. С. Виленской, внешним прикрытием для революционных элементов¹⁹. А. Ф. Головачев, владелец типографии, при посредничестве которого реализовывался замысел Соколова и его товарищей, был в числе лиц, принявших участие в образовании «Издательской артели»²⁰, входил в ее руководство, являясь одним из трех членов, составлявших распорядительную комиссию. Ножин был позднее принят в число ее членов²¹.

Сам выбор первых книг для издания был не случаен. По-видимому, профессиональный интерес Н. С. Курочкина — поэта, сотрудника «Искры» — определил выбор для перевода книги Прудона «De l'art», к которой Курочкин написал предисловие²². Что же касается второй книги, которую Соколов называет в своем следственном показании, — «О французской демократии» (именно под таким названием она и появилась на русском языке), в данном случае речь идет о посмертно вышедшем в 1865 г. сочинении Прудона «De la capacité politique des classes ouvrières»²³. Обращение к ней связано, по-видимому, в первую очередь с самим Соколовым. Увлечение идеями Прудона было одной из побудительных причин первой заграничной поездки Соколова (июнь — сентябрь 1860 г.). Как мы узнаем из его «Автобиографии», он направился прежде всего в Лондон, к Герцену. Герцен дал ему рекомендательное письмо к жившему в ссылке в Брюсселе Прудону. Посетив сначала Париж, Соколов поехал в Брюссель, где бывал каждодневно у Прудона. Письмо Прудона от 18 сентября 1860 г. к одному из друзей фиксирует этот момент личного общения русского офицера с французским социалистом²⁴.

Второе и последнее личное общение Соколова с Прудоном относится к 1865 г. Соколов приехал в Париж 6 января, когда

¹⁸ См. Е. Л. Рудницкая Шестидесятник Николай Ножин М., 1975.

¹⁹ Э. С. Виленская Революционное подполье в России (60 е годы XIX в.) М., 1965, стр. 371

²⁰ ЦГАОР, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 214, л. 44 об.

²¹ ЦГАОР, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 113, л. 61

²² П. Ж. Прудон Искусство, его основания и общественное назначение Перевод под ред. Н. Курочкина СПб., 1866 Как видим, переводчики раскрыли в названии книги то понимание проблемы искусства, с которым подходит к ней Прудон.

²³ Русский перевод названия книги «О политических способностях рабочего класса», под которым она в дальнейшем выходила в России, неточен Прудон употребляет слова «рабочий класс» не в единственном, а во множественном числе, что соответствует понятию, которое он вкладывал в этот термин. Речь идет у него не о классе буржуазного общества, а о трудящихся в широком смысле слова

²⁴ «Correspondance de P. I. Proudon», vol. X Paris, 1875, p. 157.

Прудон был уже смертельно болен. 20 января он скончался. Соколов посетил умирающего Прудона и произнес над его могилой пламенную речь.

Уже в Париже Соколов начал работать над переводом на русский язык рукописи «De la capacité politique des classes ouvrières». Вернувшись летом 1865 г. в Петербург, он привез с собой только что вышедшее в Париже издание этой книги. Нам неизвестна степень участия Соколова в переводе всей книги. В самом издании зафиксирован только его перевод 3-й главы первой части сочинения²⁵. К названию главы сделана следующая сноска: «Глава эта во фр. издании Дантю под ред. Шаде потерпела важные и значительные изменения. Мы печатаем ее в том виде, как она была переведена в Париже г. Соколовым с рукописи покойного автора». Таким образом, в этой своей части первое русское издание «De la capacité politique des classes ouvrières» имеет самостоятельное источниковедческое значение²⁶.

Однако оказывается, что участие Соколова в подготовляемом издании не ограничивалось только ролью переводчика. Нами обнаружен текст «Заключения» к русскому переводу, который в издание не вошел. Рукопись «Заключения», как и рукописи переводов VIII и IX глав этого сочинения Прудона, находились в бумагах Ножина и после его смерти²⁷ были взяты 26 апреля 1866 г. при обыске у В. А. Зайцева, тоже арестованного ввиду его близости с покойным²⁸. Именно потому, что все эти бумаги так и остались навсегда в делах следственной комиссии, текст «Заключения» не увидел света, не вошел в издание, доведенное до конца молодым сотрудником «Книжного Вестника», другом Ножина — Н. К. Михайловским²⁹.

Рукопись представляет собой писарскую копию объемом 1/2 печатного листа. Из текста следует, что «Заключение» к русскому переводу последнего сочинения Прудона написано по желанию самого Прудона. Как сообщает автор «Заключения», Прудон просил его резюмировать основные идеи своей книги и особо развить некоторые из них.

²⁵ См. П. Ж. Прудон Французская демократия (De la capacité politique des classes ouvrières). Перевод под редакцией Н. Михайловского СПб., 1867, стр. 57

²⁶ Содержащееся далее в списке указание, что перевод этот был опубликован Соколовым в № 6 «Русского слова» за 1865 г., неверно. Здесь была помещена статья Соколова «Прудон и французская демократия», посвященная этому произведению.

²⁷ Ножин умер накануне выстрела Каракозова 3 апреля 1866 г.

²⁸ Материалы эти находились у Ножина потому, что, как это выясняется из показаний корректора типографии, именно Ножин занимался изданием книги Прудона (ЦГАОР, ф. 95, оп. 1, ед. хр. 273, л. 89).

²⁹ Что касается самого Соколова, то, освобожденный из под ареста по делу Каракозова 11 июля 1866 г., он был вновь арестован в ноябре того же года уже в связи с изданием своей книги «Отщепенцы». Участвовать в завершении издания он, естественно, не мог.

Такого поручения Прудон не мог дать никому из русских, кроме Соколова, который был около него в последние дни его жизни и начал, как мы видели, еще в Париже работать над переводом рукописи. Следовательно, Соколов — один из последних, с кем умирающий Прудон делился мыслями по поводу своего еще не увидевшего свет произведения. И с этой точки зрения «Заклучение» представляет определенный интерес для исследователей творчества Прудона. Но несомненно, что оно важно прежде всего для изучения идейных воззрений самого Соколова.

Публикуемый документ сам по себе не может служить основанием для категорических суждений о характере социальных и политических воззрений Соколова. Он должен быть поставлен в ряд с его остальным литературным наследием, соотнесен прежде всего с одним из его наиболее выдающихся произведений — книгой «Отщепенцы», над которой он работал примерно в то же время, когда могло быть написано «Заклучение». Дата его написания определяется двумя ориентирами: временем принятия Соколовым, Курочкиным, Ножиным и Зайцевым решения об издании книги Прудона «De la capacité politique des classes ouvrières» и смертью Ножина, когда его бумаги были взяты к себе Зайцевым, т. е. между октябрём 1865 г. и началом апреля 1866 г. Скорее всего, оно было написано где-то в конце 1865 г., так как всецело поглощенный с начала 1866 г. работой над «Отщепенцами», которая была выполнена в предельно сжатый срок, Соколов вряд ли мог отвлечься на что-либо другое.

Несомненно, что без учета этого документа невозможна объективная оценка влияния на Соколова идей мелкобуржуазного социализма Прудона. Он интересен и для истории русской социалистической мысли в целом, поскольку идея взаимности, своеобразно интерпретированная, оказала известное воздействие на ее дальнейшее развитие.

«Заклучение» Н. В. Соколова к рукописи русского перевода книги П. Ж. Прудона «О политических способностях рабочих классов» *

Прочитав внимательно эту книгу, плод такого глубокого изучения и таких серьезных размышлений о самых трудных предметах экономической и политической науки, открываешь несколько простых идей, которым, по желанию самого автора, следует сделать краткую перечень.

* ЦГАОР, ф. 95, оп. 2, ед. хр. 160, б/д, лл. 37—42 об. Рукопись воспроизводится полностью, с некоторыми особенностями орфографии и лексики. В ней есть несколько неясных мест. Это объясняется, вероятно, тем, что текст написан рукою не Соколова, а писаря, который не разобрался в автографе.

Еще недостаточно, чтобы народ заявил свое действительное участие в политике, чтобы он имел право на всеобщую подачу голосов и пользовался этим правом; нужно, чтобы в нем было сознание своего положения и своих сил; нужно, чтобы, подавая голос, он знал причину того, что делает.

Эмансипация рабочих классов начнется с того дня, в который они дойдут до ясного понимания своих собственных интересов.

По мнению Прудона, рабочие классы вступили на политическую арену только с последними выборами, с манифестом *шестидесяти* **. Только тогда они попробовали своим собственным языком выразить свои собственные идеи.

Но они не сумели найти тот политический путь, который должен был привести их к самому действительному выражению этих идей.

Интересы рабочих классов различны от интересов буржуазии; их политика также должна быть различной от буржуазной политики.

Общая подача голосов только тогда может быть полезной и действительной, когда она способствует правильному заявлению этого различия интересов и политики.

Политическая законность может заключаться только в этом балансе, в этом равновесии, в этой настоящей пропорции, которую нужно установить посредством избирательного организма; между всеми силами, которые должны составлять общество, не смешиваясь между собою.

Во Франции, при настоящем положении дел, при сложности избирательной системы, при недостатке гарантий, которые лучше всего обеспечивают действительную подготовку выборов, при отсутствии вполне независимой печати и в виду доктрины, которая вменяет правительству в обязанность не оставлять общей подачи голосов ее самопроизволу, рабочие классы не имеют возможности выразить положительно ни своих идей, ни своих интересов.

Они могут заявить о них только *отрицательно*.

Они не могут заставить уважать себя иначе, как отказавшись принимать непосредственное участие в политике, которая не позволяет им ясно изложить свои требования.

Если уже им необходимо подавать голоса, чтобы доказать, что они дорожат своим правом выражать мнения, то необходимо, чтобы их подача голосов была сама по себе выражением этого разномыслия, этой воли их отстранить себя.

Протестант не ходит слушать мессу католиков.

Католик не ходит слушать проповедь протестантов.

** «Манифест шестидесяти» — прудонистский документ, выпущенный в свет в 1864 г. в связи с выдвижением кандидатуры рабочего Анри Толена в Законодательный корпус. Однако сам факт выдвижения рабочими собственного кандидата противоречил прудонистской догме невмешательства в политическую борьбу.

Свободный мыслитель не пойдет слушать ни мессу, ни проповедь.

Работник избиратель, по той же самой причине, не должен ходить в храм буржуазной политики.

Таково было важное значение отказа от подачи голосов, которое не было понятно в 1863 году, но которое, конечно, будет понятно в тот день, когда рабочие классы получают ясное сознание своего собственного положения.

Какое оно, это положение, и каким оно должно быть? Оно есть и должно быть положением людей, которым нужны большие реформы в экономическом порядке, людей, которые должны желать, чтобы их вмешательство в политику доставило им средства достичь этих реформ.

Лучшая политика для рабочих классов будет та, которая приведет их скорее к этой цели.

Если случится, что политика рабочего народа помешает соображениям политики капиталистов, нужно, чтобы работники были готовы признать капиталистов своими соперниками.

Такой факт будет только естественным, обязательным и необходимым. Политика не есть дело чувств; она есть и должна быть правильной и законной борьбой интересов.

Словом, какова будет экономическая идея рабочих классов, такова должна быть и политическая идея их.

Политика — ничто, если не имеет своим главным предметом разрешения всех великих экономических вопросов; участие рабочих классов в политической подаче голосов — ничто, если результатом ее не будет достижение ими законных средств улучшить их общественное положение.

Работники предложат свою идею; капиталисты будут опровергать ее. Конечно, и те и другие будут правы в одном и неправы в другом. Споры, литературная полемика, избирательная тактика сделают остальное и общественная справедливость окончит дебаты.

Вот свобода! Вот законность! Вот порядок!

Ничего не может быть ошибочнее, как понимать под словом порядок остановление всяких рассуждений, всякого вопроса, всякого антагонизма. Во время последних выборов работники вступили в прения с программой, которую составляли сами. Что они говорят, чего они требуют?

Они требуют, чтобы невыгодное положение труда перед капиталом было изменено.

Они требуют, чтобы во всех отношениях частной и торговой жизни, во всех сделках и условиях права работников и хозяев были уравнены.

Они требуют, чтобы в продаже, в купле, в займе, в аренде дома или поля, в условиях о найме рабочих, в торговле, в промышленных предприятиях и в образовании каких-либо обществ работник пользовался наравне с хозяином законными выгодами.

Они требуют, чтобы все большие предприятия с целью общественной пользы и чтобы все экономические учреждения имели в своем основании и своими последствиями выгоду труда столько же, сколько и капитала.

Выгода за выгоду, польза за пользу, услуга за услугу, продукт за продукт, справедливая оценка вещей и службы, которыми обмениваются без всяких сословных привилегий, без всякого признанного за кем-нибудь первенства, без всякого законодательного поощрения в пользу одних и ко вреду других; вот, по мнению работников, то, чего труд должен требовать и чего он требует, чего он хочет достичь и чего достигнет! Вот истина, вот право, вот справедливость.

Это то, что называется *взаимностью*!

В этой-то простой и могучей идее взаимности, поразительные примеры которой были указаны во второй части этого сочинения, в этой-то идее о жизненных вопросах политической экономии заключается, по мнению Прудона, вся будущность народа, вся будущность работников.

В ней заключается истинное развитие принципов 89 года. В ней заключается истинная политика рабочих классов. Политика, не имеющая целью осуществить эту идею, не должна быть их политикою. Они могут интересоваться ею только для того, чтобы выискать все законные причины отклониться от нее и противопоставить ей свой протест.

Прудон не скрывал от себя ни одного из многочисленных препятствий, которые должна встретить политика рабочего народа.

А в политическом порядке иные из этих препятствий слишком значительны.

Прудон сделал их предметом третьей части этого сочинения. Он выставил там все, что политически несовместно с идеями и стремлениями рабочих классов.

По его мнению, им нечего ожидать от законодательных действий, пока их усилия будут сталкиваться с системой централизации, которая во Франции господствует над всеми политическими и административными учреждениями.

Система централизации препятствует свободе в самом ее принципе.

Ничто не возможно, ничто не досягаемо для инициативы, для произвола, для независимого действия отдельного лица и целого общества, пока перед ними будет стоять эта страшная сила правительства — централизация.

Правительство в духе централизации, другими словами, унитарное, может все предпринимать, всем управлять, все учреждать, всему препятствовать, все делать, не встречая действительного сопротивления.

Сила действий отдельных лиц и групп, сдержанная ограничением избирательной системы и ограничением прав советов в горо-

дах и в департаментах, подавлена во всех своих проявлениях. Этой страшной властью, которая располагает, когда и по поводу чего захочет, силами целой Нации против индивидуума и отдельных групп.

Истинное соотношение между всеми интересами, между всеми идеями искусственным образом изменяется и прерывается правительственным вмешательством.

Как скоро правительство принимается защищать какую-нибудь идею или интерес, оно придает им искусственную силу, которая поднимает эту идею или этот интерес на высоту, далеко превосходящую их настоящее значение.

Если правительство защищает Религию, то оно уничтожит философию, не приводя ни одного довода, который бы убедил в могуществе самой Религии.

Если оно поддерживает философию, то подавит религию, не приводя ни одного довода, который бы убедил в могуществе самой философии.

Правительство поступает точно так же, защищая свободную торговлю против охранительной системы или покровительство против свободной торговли.

Оно делает то же самое, принимая сторону хозяев против работников или работников против хозяев.

В политике необходима эта идея взаимности, составляющая экономическую программу рабочих классов, потому что в политическом порядке каждая вещь, каждая идея, каждый интерес точно также должны пользоваться равенством, общим правом, справедливостью, равновесием, свободой в заявлении своих требований, свободой в деятельности отдельных лиц и групп, словом, должны пользоваться *автономией*. Нужно, чтобы централизованная была покорена, нужно, чтобы группы и отдельные лица были вознаграждены общественными свободами за все, что есть чрезмерного в правах правительства, за всю власть, которую так непомерно облекли и его и администрацию.

Только при этих условиях во Франции может установиться свобода, свобода действительная и прочная.

Это можно видеть, взглянув на бесчисленные гарантии в учреждениях Швейцарии и Америки, которые охраняют свободы личные и общие без нарушения истинного *единства*, и на комбинации, способные, напротив, осуществить его, потому что они происходят из *контракта*, из свободного условия заключенного между *частями* республики, а не из насилия и всепоглощения. То, что исключительно называют *условием гарантии* между государствами, есть не что иное, как блестящее применение идеи *взаимности*, которая в политическом мире обращается в идею *федерации*.

Рабочим классам нужно много подумать об этом важном предмете.

Независимо от тех препятствий, которые рабочие классы на-

ходят в политическом порядке и в системе централизации, совершенно противоположной идее взаимности, они встречают их еще в самих себе, в своих умственных и нравственных свойствах.

Об этом предмете нам нужно, по просьбе самого автора, развить мысль его.

Рабочие классы разделяют еще почти все ложные идеи времени. Они любят военное ремесло; их забавляет хвастовство военного; им нравится *нагальство* солдата; они до сих пор предпочитают того, кто хорошо дерется, тому, кто хорошо мыслит или хорошо работает, как будто бы храбрость не должна служить только вспомогательным средством великой нравственной силе.

В вопросах иностранной политики они всегда увлекаются страстями, то преувеличивая французские тщеславие и требовательность, то слишком сильно забывая французские интересы. Их понятия о *национальности* полны заблуждений. Они не задумываясь уступают внушению пошлой сентиментальности и не хотят признавать в отношениях одного народа к другому той идеи справедливости, равновесия и равенства, которых жаждут в отношениях человека к человеку.

Они обожают риторику, эту чуму истинной демократии. Они удивляются ораторам, которые не умеют рассуждать, речам, которые ничего не доказывают, изображениям, у которых нет идей, фразам, которые не заключают в себе доводов.

Их может обмануть всякое выражение притворных чувств, всякая декламация современной литературы.

Им недостает сметливости, которая изобличает и уничтожает шарлатанство.

Они желают, чтобы им льстили и угождали.

Они страстно любят внешность, великолепие, мундиры и прикрасы. Они желают роскоши в правительстве, воображая, что эта роскошь принадлежит им, потому что куплена на их деньги. Они полагают в ней свое тщеславие. Все это совершенно противоречит простоте демократического класса, от всех этих недостатков им необходимо исправиться.

Этот народ, гордый и величавый в общем, далеко не сохраняет ни гордости, ни величия относительно частной жизни. Есть такие работники, и их много, даже слишком много, которые к условленной плате за труд просят прибавки: *quelque chose pour le gargon*. Слуги требуют уступки от поставщиков или удерживают сами часть денег, которые им дают на расход по дому. Они, смеясь, называют такой поступок: *faire danser l'onse du panier*.

Кучера, прислуга отелей, кафе и ресторанов, комиссионеры, извозчики и прочий подобного рода люд извлекают свой главный доход из денег, которых они требуют *на водку*.

Какое значение может иметь избиратель, который, получив условленное вознаграждение за свой труд, просит *два су сверх условия?*

Главным данным (sic!) общей подачи голосов необходимо про- извести в общественных правах реформу, которая уничтожила бы все эти людские слабости.

Если народ не хочет более получать милостыню, он должен отбросить все свои привычки, которые имеют вид нищенства.

Очень много работников не имеют уважения ни к обществу, ни к клиентам, ни к тому, кто даст им работу. Они не смотрят на труд с серьезной точки зрения и не соблюдают точности, они обещают, зная, что не исполнят обещания. Лишь только хозяин отвернется, они *рогозейничают*. Они не наработают того, сколько бы могли сделать, или не сделают так, как бы следовало. Всему этому должен быть конец. Демократической политике следует возвысить стремление народа, просветить его понятия, очистить его нравы и развить в нем чувство достоинства относительно себя и других. Время благотворительности прошло; она творила дела великие и благодетельные, пока сама была движением сердца. В соединении с политическими комбинациями, обращенная в влиятельное средство, она делается только ресурсом эгоизма, общественным приличием и, без сомнения, духом консерватизма. Эта благотворительность, обращенная в искусство, перестала быть добродетелью и должна уступить место справедливости, которая в настоящее время более сильна и более правоучительна, чем она. Теперь народ должен иметь от своего права то, что прежде получал от сострадания. Увидят, во сколько раз справедливость способнее благотворительности улучшить быт народа.

В городах, как и в деревнях, рабочие классы соединяют в себе все производительные способности, у них число и сила, они начинают сознавать свое социальное значение. Необходимо, чтобы на их стороне были наука, право и справедливость в полном смысле этих слов; нужно, чтобы они возвысились до понимания законности как принципа правильных действий и чтобы они были способны поступать на основании этой законности, превращенной в умственный и нравственный рычаг. При таких условиях их перевес более чем верен; при таких условиях они будут иметь своими союзниками всю ту часть здравомыслящей, деятельной и способной буржуазии, которая поднимается также трудом, а не капиталом, и тот класс ученых, артистов и мыслителей, который живет идеями, расположен естественно к прогрессу и составляет до настоящей минуты цвет нации. В тот день, когда они отдадутся служению закону, они присвоят его себе, они будут властвовать над ним и дадут его. Законность их власти будет неоспорима и не может опровергаться. Их сила только тогда будет политической, когда будет силою разума.

Их пришествие тогда только может быть фактом освященным и возобновлением общественным, когда будет результатом неопровержимой науки, последствием точных принципов, развитием достоверной традиции и победою истинной логики над софизмами школы и академий.

Нужно, чтобы побежденные интересы вынуждены были замолкнуть, чтобы сокрушенное высокомерие принуждено было обуздать себя, чтобы обманутое честолюбие было вынуждено отказать от старого искусства двусмысленной политики и преклониться перед истинным могуществом, могуществом идей и права.

Разве возможно сопротивление перед народною массою, которая вооружена всеобщей подачею голосов, способна иметь разумную волю, умеет дать идею своему мнению и может выразить это мнение целыми миллионами голосов?

Нет, это невозможно.

Невозможно и то, чтобы народ, хорошо понимающий, как ему легко сделаться своим властелином, рано или поздно не захотел бы воспользоваться своим правом.

Итак! Когда он захочет, он будет им, законно и безусловно. Если поняли эту книгу, то осуществление близко.

Такова была надежда Прудона, когда он начал ее. Горячим желанием каждого, кто умел оценить учение великого писателя, будет способствовать осуществлению этой надежды, распространяя его учение.

Раздел библиотеки
История идей: "от утопии к науке"
<http://istmat.info/node/29200>